

Казарін В. П.

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського

Новікова М. О.

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського

ТАОРМИНА И ТАВРИДА (О СИЦИЛИЙСКОЙ ПРЕМИИ АННЫ АХМАТОВОЙ-ГОРЕНКО)

В статье предложен и аргументирован новый взгляд на итало-крымский контекст жизни и творчества Анны Ахматовой-Горенко (1889-1966). Специальный акцент сделан на поездке Ахматовой в Италию, на Сицилию (1964), где поэт получила литературную премию Европейского сообщества писателей – «Этна-Таормина». Этот эпизод постоянно упоминается в современных биографиях Ахматовой, однако он не рассматривался как важное событие в её эмоциональной и духовной жизни. Ни разу ахматовские сицилийские сюжеты и импресии не ставились в параллель к сюжетам и импресиям крымским. Между тем пристальный анализ открывает многие – ранее не замеченные – пересечения деталей хронотопа, культурных и религиозных реалий и символов Сицилии и Крыма. Биографический и поэтологический подходы доказывают, сколь существенным оказался этот двойной – крымско-итальянский – опыт для Ахматовой-человека и художника.

Ключевые слова: Анна Ахматова-Горенко (1889-1966), Италия, Сицилия, Крым, литературная премия «Этна-Таормина» (1964), историко-культурные и духовные пересечения, итало-крымский контекст творчества и биографии Ахматовой.

1.

Прелиминарии. Она была знаменитостью 1910-х – 1920-х годов. Но потом, за несколько десятилетий непечатанья, стала полузабытой. Её продолжали высоко ценить, но (как тогда говорили) «в узких кругах». Её подвергли гражданской казни (по её собственным словам) и моральной анафеме специальным постановлением ЦК ВКП(б) 1946 года [1]. И всё-таки она – Анна Андреевна Ахматова-Горенко (1889-1966) – успела дожить до общественной и литературной реабилитации.

Вот как пишет об этом ахматовская помощница и сочувственница Ирина Николаевна Пунина, дочь Николая Николаевича Пунина (третьего мужа А.А.): «В 1954-м году – впервые за много лет – Анна Андреевна выехала за пределы Москвы-Ленинграда, вместе с Аней Каминской она побывала в Таллине, и это был первый симптом пробуждения. Постепенно Ахматова получает возможность работать и печататься, ей дают всё больше и больше заказов на переводы корейской, китайской, болгарской (добавим: и украинской. – *Авт.*) поэзии; публикуются её собственные стихи в периодических изданиях. Наконец, в 1958-м году вышла первая после страшного постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. маленькая книжка стихов Ахматовой. В 1961-м – следующая. <...>

В 1960-е годы стихи Ахматовой были переведены и изданы почти на всех европейских языках».

Труднее дался выезд А.А. за границу. Продолжим рассказ И. Н. Пуниной: А.А. «многократно приглашали на различные форумы», но «Союз писателей (СССР. – *Авт.*), как правило, даже не уведомлял об этом Ахматову» [2]. Наконец, летом 1964 года в Ленинграде побывал генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Джанкарло Вигорелли. Он навестил А.А. в Комарово и лично передал ей приглашение на очередной конгресс сообщества, местом проведения которого была выбрана Сицилия. Там А.А. должна будет получить Международную итальянскую литературную премию «Этна-Таормина» [3].

2.

Италия, Сицилия, Таормина. Первый – после полувекового перерыва – выезд А.А. за границу. Первая антологическая подборка её стихов в зарубежном переводе Нобелевского лауреата Сальваторе Квазимодо. Первая иностранная литературная премия. Все эти события глубоко символичны. Прокомментируем их и перейдём к итальянским местам действия.

Почему символичны для Ахматовой события 1964 года? Во-первых, усилились, но и инвер-

тировались для неё понятия «своего-несвоего». Пересечение границы (по ахматовским ощущениям и воспоминаниям её спутницы) оказалось не *расставанием* с Ленинградом, а *встречей* с Римом, потом с Сицилией и Таорминой. Правда, особенно мечтала А.А. повидать Венецию, памятную ей с первой поездки в Италию (1912). Не получилось. Проезжали город ночью, притом в густом тумане.

Второе открытие: не всюду Италия «второго приезда» стала для А.А. «своим» пространством. Стали – колокольный звон и предрождественское убранство окон в Катанье, столице Сицилии (напомнившее А.А. предрождественское детство). Осталось «чужим» – там же – огромное административное здание на центральной площади и помпезная статуя перед ним («напоминающая американскую статую Свободы», пишет И. Н. Пунина [2]; для «советских» гостей ассоциация могла быть и другой). «Своей» доброй сказкой – стала «декабрьская весна» Сицилии: плоды лимонов и апельсинов на деревьях вдоль дороги, ярко-зелёная трава и цветущие («выше двухэтажных домиков») кактусы. «По-чужому» – шокировали роскошно-безвкусовые номера в столичных гостиницах. «Своим» сделался доминиканский монастырь в Таормине, в её время уже превращённый в отель: «номера»-кельи, старинные деревянные кровати и окна до полу, открытые в сад. «По-свойски» – пришли к А.А. «представиться» весёлые поэты и журналисты-итальянцы; как «своим» – поставила им гостя чёрный хлеб с водкой; «по-свойски» потекла беседа за полночь. «Несвоими» остались официальные заседания, конференц-залы, мрамор и бронза, «юпитеры» и хроникёрская охота за сенсациями. «Свой» был Твардовский: при вручении премии он непосредственным образом готовил выступление лауреатки и благоговейно слушал её recitation стихов о Музе и о дантовских «страницах Ада». (И. Н. Пунина: «Я не помню такого сосредоточенного внимания к стихам даже среди самых горячих поклонников Ахматовой» [2].) «Несвоими» как были, так и остались чиновники от Союза писателей.

Суммируем: своим оказалось для поэта и хронологически далёкое (память о детстве и юности, когда Родина и Западная Европа ещё не выглядели как разные планеты), и близкое (когда картины зарубежья и «приневской столицы» воспринялись как уже непохожие, но ещё взаимно «переводимые»). Чужим обернулось всё, что резко дистанцировало их друг от друга и делало А.А. 1964 года чужестранкой и в Италии, и «дома».

Едва ли она позабыла сильный образ фашистской Италии дуче 1930-х годов в стихах Осипа Мандельштама: «<...> И над Римом диктатора-выродка / Подбородок тяжёлый висит». Но и чёрные «маруси» (арестантские автомобили) у ночных подъездов Ленинграда эпохи сталинизма она забыть не могла. Радость таорминской встречи для обеих сторон, и российской, и итальянской, была обоюдной. Это была общая радость освобождения [4].

Но что же увидела А.А. в Сицилии? Глазами истории не только десятилетий, а и столетий (или тысячелетий)? Какие мосты прорисовались между этой Большой Историей – и личной биографией таорминской лауреатки?

Сразу заметно: над обеими историями звучит одно имя – Тавр. Детство и юные годы поэта осенены Крымом: древней Тавридой и Херсонесом Таврическим. Себя А.А. называла «последней херсонидкой». В Тавриде она провела не одно лето, спасаясь от семейного недуга – чахотки. В евпаторийской гимназии Таврической губернии она затем училась (занимаясь по состоянию здоровья – дома и сдав экзамены экстерном) [5].

Сицилийская Таормина расположена на склоне и у подножия горы Тавр (Monte Tauro, 206 м над уровнем моря). Гора, конечно, тоже сицилийская. Но древние греки «отсчитывали» местоположение Тавра не от Сицилии, а от Малой Азии (как и современные геофизики). Тавр – не обособленная гора, это часть гигантского горного массива, начинающегося у мыса Священного (современный турецкий мыс Хелидони). Далее один отрог Тавра уходит в Палестину, другой в Армению, а третий – через Северный Кавказ и горы Крыма – на Балканы и оттуда к Южной Италии и Сицилии [6].

От этого Тавра идут и все производные: имя племени тавров (Tauri [7]), прозвище богини Артемиды Таврической – Таврополос (Tauropolos [8]) и название города. У эллинов он был Тауроменионом, у римлян Тауромениумом, у сицилийцев Таурминой, у итальянцев Таорминой [9].

Весёлые таорминские гости А.А., по всей вероятности, не только пели песни, читали стихи, ели экзотический чёрный хлеб и пили экзотическую водку. (Всеми этими припасами снабдили Анну Андреевну перед заграничным вояжем друзья. Таким же было традиционное сувенирное снаряжение «советского» туриста и годы спустя.)

Патриотичные сицилийцы наверняка рассказывали А.А. историю своих родных мест. Начать они могли с того, что древнейшее население острова пришло в Западное Средиземноморье

раньше индоевропейцев италийцев, будущих римлян. Потом Сицилию колонизовали бежавшие от ассирийцев финикийцы, потом филистимляне-палестинцы, жители Средиземноморья Восточного. Их потеснили эллины, тоже уплывшие, но от внутренних «бурь гражданских». Они и заложили селение Тауроменион в середине IV века до н. э. Бури, однако, настигли их и там. Кровавые внутренние распри тянулись до конца III века до н. э. и помогли римлянам захватить город.

Римляне тоже принесли мало покоя. В середине II века до н. э. Сицилию сотрясло Первое восстание рабов, в конце века будет и Второе. Рабы создали на Сицилии даже своё государство, но в конце концов были побеждены и перебиты. Однако «бури гражданские» продолжались. Через Тауромениум прокатилась война Октавиана с Помпеем – двух из трёх соправителей Римской республики. Победил Октавиан, ставший императором Августом, а город на его пути был полностью разорён. Из крупного торгового, ремесленного, культурного центра (античный театр в Таормине был рассчитан почти на 10 000 зрителей) город стал небольшим селением. До прежнего числа обитателей он дорастет лишь к 2004 году (10 863 жителя) [10].

Время шло. В начале X века н. э., после двух лет осады, византийская Таормина была захвачена арабами. Вторично арабы взяли город через полвека. Античный городской центр был разрушен, на окраине отстроили новый центр – арабский. Город переименовали в честь халифа Мусы в Аль-Моэзию.

Ещё через столетие, в XI веке, город отвоевали у арабов-«сарацинов» норманны. Его опять переименовали, на прежний лад. Постепенно были застроены христианские святые места: кафедральный Никольский собор (Dom San Nicolo, XV в.), церкви во имя Св. Августина, епископа Гиппонского (San Agostino, XV в.), Св. Панкратия, епископа, покровителя города (San Pancrates, XVI в.), и другие. Особо чтима таорминцами Церковь Божией Матери в скале (Madonna della Rocca, XVII в.) [11]. Об этих святынях речь ещё пойдёт ниже.

3.

Петербург, Крым, Херсонес. Даже эта – вынужденно краткая – «биосправка» сицилийского города, наложенная на житейскую географию нашего поэта, даёт понять, сколь много у них точек соприкосновения. Разовьём эту мысль шире.

Петербург-Петроград-Ленинград А.А. кажется несоизмеримым с Таорминой в историко-куль-

турном плане. Но это не совсем так. У «принева-ского» побережья и прибалтийского взморья, как и у Сицилии и Таормины, было своё «доисторическое», легендарное прошлое. Кто из питерцев не помнит легенду о встрече Петра I-го и «чухонского» волхва-шамана? На Васильевском острове (будущем питерском адресе близкого знакомого Ахматовой – поэта Иосифа Бродского), под могучим дубом (а дубы служили священным деревом для всех индоевропейцев, и не только для них), у неевского лукоморья царь (по легенде) встретил местного жреца. Выбирал властитель место, где «будет город заложен / на зло надменному соседу», то есть шведам. Волхв покачал головой и указал на почернелую отметину на коре дуба – верхнюю границу ежегодных невыходных наводнений. Пётр приказал дуб срубить, а город заложить. Он-то думал, что действует (по формуле Пушкина) «на зло» политическому сопернику России на Балтике. Оказалось, это историю Петербурга Пётр сам «заложил» злу – вопреки «велению Божию» (снова по формуле Пушкина), вопреки окружающей природе [11, с. 47-66, 287-294].

Таормина была построена и заселена греками. Её ландшафтное место – плато на Тавре (горе с вулканическим и подводным, рифовым прошлым). Стоит город неподалеку от действующего вулкана Этны. Место это таорминцы освоили тоже не от лёгкой жизни. Их прежнее селение на острове Наксосе [15] было захвачено и разрушено в конце V века до н. э., жители его были изгнаны.

За древними греками вырисовываются (мы помним) ещё более древние обитатели – сикулы. Имя этого племени навеки сохранила Сицилия-Сицилия. Все последующие века, при каждом восстании рабов или при набегах «чужих» племён, аборигены – потомки сикулов – становились на сторону «несвоих». Так продолжалось, пока и греки, и сикулы не слились воедино, превратясь в сицилийцев.

Состязание «чужой» цивилизации и «своей» природы [16] сближает Таормину не только с Петербургом, но и с Тавридой. В III веке до н. э. таорминцы построили театр (фото театра см. [17]). Вырубили они его прямо в священной горе Тавр, срывши и перенеся ради этого (по современным подсчётам) около 100 000 м³ известняковой породы. Анна Андреевна знала аналогичный таврический прецедент.

В 1929 году она снова лечилась в Крыму, на сей раз в южнобережном посёлке Гаспра, возле бывшей римской крепости Харакс [18, с. 215-216]. Находится Гаспра вблизи Алупки, знаменитой

своим дворцом и парком, которые некогда были именем графа Михаила Воронцова. От местных жителей или приезжих деятелей культуры А.А. могла слышать, как в XIX веке, при оформлении алушкинского ландшафтного комплекса, была взорвана и скрыта огромная часть гранитной скалы, на которой этот комплекс возводился. А скала эта уступами уходит ввысь – и там, наверху, именуется горой Крестовой, то есть Священной [19]. Вспомним мыс Священный – начало Таврского массива.

Мог таорминский театр напомнить нашему поэту и более ранние эпизоды её крымской биографии: годы, проведённые в Херсонесе Таврическом. Если театр – гордость Таормины, то ведь и херсонесский античный театр – единственный на территории всего бывшего Советского Союза.

Херсонес и Таормина поразительно схожи не только своими пейзажами, но и своей историей. И там, и там очаги эллинской цивилизации окольцовывались более архаичными «варварами». Херсонес окружали тавры, затем скифы, потом сарматы. Таормину фланкировали сикелы и сиканы. Оба города переходили «по наследству» от Эллады к Риму, от Рима к Византии, от Византии под власть Востока: Херсонес – Крымского ханства, Таормина – арабских эмиратов [20, с. 339-356].

Есть и второй архитектурный комплекс, «аукающий» Тавриду с Таорминой. В перечне таорминских храмов мы уже упоминали Церковь «Богоматери в скале» (Madonna della Rocco). Аналогичная святыня осеняет и Крым – его Бахчисарайский Успенский пещерный монастырь. Икона Богоматери буквально помещена здесь в скале – над лестницей, ведущей в пещерный храм и в пещерные кельи этого монастыря ([21]; см. также ниже).

В связи с Бахчисараем уместно вспомнить ещё одно «сближение». В 1916 году осенью А.А. приезжала из Севастополя на неделю в Бахчисарай. Там её ждал поэт и филолог, верный друг и поклонник – Николай Владимирович Недоброво. Как и она, он болел чахоткой; как и она, приехал в Крым лечиться; как и её, его вскоре накроет девятый вал революции, красного террора, голода – и (в отличие от неё) скорострительной смерти. В Бахчисарае они простятся навсегда на «ступенях» лестницы. Одной из многих лестниц той поры, которые позволяли жителям расположенной на дне глубокой долины крымскотатарской столицы подниматься по крутым склонам вверх на травяные пастбища. И именно о Бахчисарае и об этом их «итальянском расставании» (череда «звёздных» райских ночей и скорбный разрыв) А.А.

будет вспоминать и писать по дороге в Таормину: «Подъезжаем к Риму. Всё розово-ало. Похоже на мой последний незабвенный Крым 1916 года, когда я ехала из Бахчисарая в Севастополь, простившись навсегда с Н. В. Н<едоброво>.» [29, с. 800].

Символично, что ступени лестниц будут сопровождать поэта и в скалистой Сицилии. Не заметить этих сближений Тавриды и Таормины, Черноморья и Средиземноморья, путешествуя по Италии, А.А. не могла.

4.

Премия. У премии, вручённой А.А. на Сицилии, тоже есть собственная история и собственные персонажи-номинанты.

Перечень тогдашних литературных премий Европы возглавляет, конечно же, шведская «Нобелевка» [22]. О ней мечтала последние годы жизни А.А. Мечтала, номинировалась, но премии этой не получила [23].

Получила Анна Ахматова-Горенко, отмечавшая в 1964 году своё 75-летие, национальную и международную премию сицилийского города – «Этна-Таормина». Её в «советских» списках престижных иностранных премий того времени как раз и нет [24]. Это может означать, что для тогдашних «советских» справочников премия выглядела или излишне «эстетской», или слишком «региональной», или чересчур «частной». «Региональной» – то есть сугубо сицилийской. «Частной» – то есть учрежденной не государственными и не академическими инстанциями, а писателями, поэтами, критиками.

Первым лауреатом «Этна-Таормины» в 1951 году стал Умберто Саба (1883-1957). В дальнейшем премию (по новым условиям конкурса) стали получать двое. Один призер был итальянским поэтом, другой – иностранным. На второй церемонии, в 1953 году, премии удостоили поэта-герметиста Сальваторе Квазимодо (1901-1968). Через шесть лет он станет обладателем «Нобелевки» (1959) [27]. Другим лауреатом стал валлийский поэт Дилан Томас (1914-1953, посмертно). С тех пор он войдет во все ведущие антологии англоязычной поэзии (например, в антологию Оксфордскую [28]).

Об этой церемонии вручения премии сообщил в мае 1954 года американский журнал «Поэзия» (Poetry). Сообщение было напечатано в его хроникальной рубрике [25, 26]. Рассказал о премиальной процедуре Джузеппе Виллароэл (Villaruel), член Оргкомитета. На конкурс были заранее приглашены поэты, имевшие публикации за

1950-1953 годы. Приз составлял 2 миллиона лир. Цифра впечатляет, но следует вспомнить, сколько тогда стоила лира. Кстати, денежную часть премии А.А., вероятнее всего, сдала после возвращения, «куда следует». Так было принято в СССР.

Анна Ахматова-Горенко удостоилась сицилийской премии на шестой церемонии [40, т. 5, с. 319]. В том году «дома», в СССР, готовилась уже свернуться Оттепель. 15 октября А. А., реагируя на отставку Н. С. Хрущёва, назовёт её государственным переворотом [29, с. 793]. Да, вышли из тени в широкую печать поэты М. Светлов, А. Вознесенский, Е. Винокуров, Б. Окуджава. Но романы К. Симонова («Солдатами не рождаются») или О. Гончара («Тронка») уже не становятся для читателя событием столь масштабным, как более ранние публикации тех же авторов. В. Песков («Шаги по росе») получает даже Ленинскую премию (как и О. Гончар), однако масштаба и его книге это не прибавляет. На подобном фоне масштаб и, так сказать, качество ахматовской поэзии заметны вдвойне.

Впрочем, уменьшение масштабности (или, говоря по-шекспировски, «существенности») премий докатится и до Западной Европы. В 2014 году премию «Этна-Таормина», – увы! – почившую вскоре после триумфа А.А., возродили как премию имени Анны Ахматовой. И получит её в Италии Лариса Васильева [30]. За что же? За хит-серию документальных новелл «Кремлёвские жёны»...

Зато трогательную речь произнесёт в 2015 году на открытии памятника Ахматовой мэр Таормины – Элигио Жардин. Обращаясь к собравшимся, он скажет: великая поэтесса в третий раз посетила Италию.

Откуда возник этот «третий раз»? Впервые (напомним) А.А. приезжала в Италию в 1912 году. Вторично – когда ей вручали премию. В третий раз она навестила пленившую её страну уже в виде собственного погрудного монумента.

5.

Спутники. Трагический поэт, трагический человек, – А.А. пережила множество несчастий. Кроме одного. Вопреки собственным словам («Эта женщина одна...»), в одиночестве она не оставалась никогда.

Поклонники, друзья, сёстры по бедам, коллеги по филологическим занятиям (пушкинистике, художественному переводу). Мемуаристы и биографы...

Рядом с А.А. всегда обнаруживаются спутники.

Не пришедшихся по душе она – достаточно решительно – отодвигала. Так она не подружилась с Корнеем Чуковским (но на всю жизнь подружилась с его дочерью). Не сошлась тесно с Надеждой Мандельштам (но очень тесно общалась с ним самим). Воздавала должное таланту Бориса Пастернака (но выше ценила человеческий и переводческий дар Михаила Лозинского [31, с. 170-190]).

Как бы то ни было, в Крыму или в Киеве, в Царском Селе или в Комарово, в Петрограде-Ленинграде или в Ташкенте – всюду Ахматова была окружена людьми. В Италии – особенно. Встречал её в Риме (и лично добивался её приезда) Джанкарло Вигорелли. Вместе с А.А. стал лауреатом премии «Этна-Таормина» 1964 года итальянский поэт Марио Луци (1914-2005, позже номинировался на Нобелевскую премию). Сопровождал её по Риму и первым перевёл её стихи на итальянский язык Карло Риччо. Ехала с нею в Италию Ирина Пунина. Из числа делегатов конгресса Европейского сообщества писателей в гостинице её посещали Ингеборг Бахман и Ганс Рихтер. Премьерой своего фильма «Евангелие от Матфея» украсил праздник кинорежиссёр и поэт Пьер Паоло Пазолини, подаривший А.А. своё стихотворение. Когда её чествовали, за столом президиума, помимо Вигорелли, сидели Сальваторе Квазимодо, Джузеппе Унгаретти и Рафаэль Альберти. В «советской» делегации ей тоже сопутствовали не только чиновники, но и поэты – руководитель делегации Алексей Сурков, Александр Твардовский, Константин Симонов, Микола Бажан. А ещё ведь были вокруг и рядом поэты всей Европы – итальянцы, испанцы, финны, португальцы, шведы, французы, немцы, румыны, англичане, югославы, венгры, ирландцы, болгары, исландцы, поляки, чехи и словаки... А еще фотографы, журналисты, кино- и телеоператоры.

Знаменательно, что в Риме к ней придёт сын Шаляпина – Фёдор Шаляпин-младший.

Помимо дара притягивать к себе людей, А.А. обладала ещё одним даром. За десятилетия расставаний без надежды на встречи, прощаний со скудной последующей перепиской, в эпоху не найденных могил и утраченных адресов, у Анны Андреевны всё больше развивалась способность видеть незримое и слышать не произнесённое вслух. Из текста в текст, из года в год Ахматову-поэта всё чаще сопровождают тени, сны, призраки и видения. Шаги вместо шагающих. Видения вместо зрелищ. Тихие веянья воздуха вместо звуков.

Спутники сидят с нею «в сумраке» пустых театральных лож. Двигаются по Летнему саду вместе со статуями – толпа невидимых «друзей и врагов». И всякий раз их «присутствующее отсутствие» доставляет поэту острую боль и не менее острое наслаждение, – чувства, зачастую гораздо более трепетные, чем от тех же персонажей в «реале».

Над реальным «Осей» (Мандельштамом) позволительно дружески подтрунивать. «Возлюбленные очи», глядящие на А.А. откуда-то из-за Енисея (точней – из дальневосточного концлагеря), иронию исключают. Александр Блок может «улыбнуться» А.А. из прошлого «презрительно» – она ему никогда. Он уже умер, она жива. Власть ушедших сильнее.

А в Италии? На прощальном смотре всей ахматовской жизни? От бесконечно далёкого лета Тавриды, где осталась «дикая девочка», до «весенней зимы» Таормины, где всё ещё красивая, однако непоправимо немолодая лауреатка получит свой счастливый европейский билет. Но получит у того «причала», к которому вот-вот приблизится «государыня- смерть сама».

Людей и там вокруг поэта много – даже больше, чем дома, особенно последние десятилетия. По сути, именно в Италии за три с небольшим декабрьские недели А.А. проживёт нормальную жизнь литературной звезды первой величины. И спутники, наряду с нормальными живыми, будут у неё тоже нормальные, тоже живые, но живые вечно.

Сегодня читателям и исследователям Ахматовой-Горенко не надо объяснять, что такое святцы. Но донныне нам трудно вчувствоваться в тот – многовековой – мир, где святцы были не «фактами словесности», а регуляторами жизни.

Авторы настоящего сообщения уже писали о пребывании в августе 1917 года в крымской Алуште друга А.А. – поэта Осипа Мандельштама [32]. В стихотворении «Золотистого мёда струя из бутылки текла...», написанном тогда же, Осип Мандельштам (как и А.А.) упомянет некоторых из своих невидимых спутников. Гомеровскую Пенелопу, ждущую мужа (хотя он может никогда не вернуться). Гомеровского Одиссея, на родину всё же вернувшегося, и не с претензиями к несправедливой судьбе, а с духовными богатствами, накопленными за время странствий. Гомеровских аргонавтов, привезших домой не усталые проклятия, а золотое руно...

И в конце своих стихов – Осип Мандельштам выразит надежду, что «печальная Таврида» тоже одарит всех их: вынужденных «апатридов» и

«депортантов». (Слов таких в тогдашнем обиходе ещё не было – явление уже было.)

К этому следует добавить ещё один – не замечаемый сегодня – факт былой реальности. В то же самое время, в том же самом таврическом пространстве, в церквях Алушты поминали святых, чья память отмечалась в августе 1917-го. Их биографии (звучавшие в молитвенных песнопениях или в проповедях) давали аудитории не «образы», а образцы. Образцы чего? Того, как можно прожить жизнь не менее грозную, чем у крымчан и приезжих 1917-го. Встретить вскоре гибель не менее страшную (включая истребление целых семей). И – не сломиться.

Проходили ли подобные образцы перед глазами А.А. 1964 года в сицилийской Таормине?

Прямых документальных свидетельств на сей счёт у нас пока нет. Однако едва ли католическая Италия, католическая Сицилия не познакомили северную гостью со своими святынями. А мы, знающие их внушительный список, не можем не заметить, сколь многие герои этих житий таинственно сопряжены с личным духовным опытом Анны Андреевны Ахматовой-Горенко.

Сайты и путеводители Таормины [10; 17] указывают на несколько наиболее известных «именных» городских храмов. Это Собор Святителя Николая [33; 34] на центральной площади (Dom San Nikolo, 1400). Построен он на месте одной из первых таорминских церквей. Это храм во имя Блаженного Августина [35; 36; 37] (San Agostino, тоже XV век). Возведён он в благодарность за избавление города от чумы. Это церковь в честь епископа и покровителя города Священномученика Панкратия [38] (San Pancrates, II половина XVI в.). Наконец, это церковь на вершине горы Тавр – «Божия Матерь в скале» (Madonna della Rocca, 1648).

Какое отношение имеют эти святые – и их жития – к жизни А.А.?

Св. Николай помогал отчаявшимся: невинно арестованным, осужденным и даже приговорённым к казни. Разве это не судьбы людей из ближнего круга А.А.? Разве не их она запечатлела в своей лирике и «Реквиеме»?

Св. Панкратий – ученик Апостола Петра, рукоположенный им в епископы. Но исполнял он не должность, а миссию, и её он выполнил ценой своей жизни и смерти: язычники заманили его и убили. Вероятно, об их замысле нетрудно было догадаться. Но не думал ли Панкратий о тех, кого его проповедь (а тем паче, его смерть) могла духовно укрепить? И не думала ли о том же А.А.,

мучительно размышляя над евангельским Молением о Чаше?

Блаженный Августин ближе всех стоял к людям типа Ахматовой. Блестящий ритор, филолог, философ. Автор полутрактата-полупоэмы в прозе «О граде Божиим» и первого новоевропейского дневника – «Исповеди». Всё это – характеристика Августина в «мирских» терминах. В терминах духовных его Небесный град – это реальное видение, его исповедь – это реальная очная ставка человека со своей совестью.

Чужд ли подобный опыт А.А.?

«Серийные» аресты, допросы «с пристрастием» и ликвидации новомучеников XX века, запечатлённые в ахматовских воспоминаниях и «Реквиеме», вполне накладываются на «серийные» пытки и ликвидации первомучеников-христиан первых веков нашей эры. Так, современниками Св. Панкратия по «серийному» мученичеству были Св. Маркелл, Епископ Сицилийский (Сикелийский), и Св. Филагрий, Епископ Кипрейский. Все трое – I век н. э.; у всех троих тот же день памяти – 9 февраля по ст. ст. Тройное «гроно» средиземноморских священномучеников (все – ученики апостола Петра) высоким духом и трагической судьбой перекликаются с «п'ятірим гроном» (М. Драй-Хмара) украинских поэтов-неоклассиков XX века из Киева, трое из которых тоже погибли – на Соловках и на Колыме.

При вручении сицилийской премии Ахматова выбрала для ответного выступления стихи о Музе, диктовавшей Данте «страницы Ада». А ведь Дантов Ад – не литературное «описание», пускай гениальное. Он – документ реального человеческого покаяния. Реального переживания адских ужасов. Если угодно, это средневековый «Архипелаг ГУЛАГ», – только тот, где невиновных нет... Не поэтому ли Александр Твардовский, сын крестьянского (и репрессантского) белорусского рода, слушал строки Ахматовой о Данте НЕ ТАК, как слушают тексты «художественной литературы»?..

Высшая из возможных встреч А.А. на сицилийской земле – это встреча с Via Dolorosa, Крестным Путём, и с Madonna della Rocca, «Богородицею в скале». Усталая, больная сердечница, – Анна Андреевна откажется в Риме даже от экскурсии по этрусским местам и от поездки к мемориальному дому Джакомо Леопадии, чьи стихи она переводила. Едва ли она смогла бы подняться пешком и по таорминской Via Dolorosa. Но этот путь, этот храм, эта Мать, отдавшая Сына на смерть ради спасения людей, сами воочию предстали перед нею.

6.

Цвета судьбы. Как мы помним, один из духовных наставников А.А. в Сицилии – Блаженный Августин. Недаром его именем назван храм в Таормине, на ахматовском маршруте. Но и сам по себе Августин веками был, так сказать, «святым интеллигенции».

Житие Св. Августина – не житие «готового святого», ни даже «готового христианина». Он лично прошёл через многие испытания, близкие последующим интеллектуалам. Античная философия, античная героика, античное искусство долго ослепляли и очаровывали юного Августина. Подобно этому блеск и риск литературных, философских, религиозных исканий Серебряного века десятилетиями соблазнял А.А. То, что театральный веер этого века – сломанный, а запах его не только сладкий, но и страшный, – она осознала лишь в «Поэме без героя» и далее. Аскеза позднего Августина сродни аскезе и страдальчеству ахматовского «Реквиема». Вот отчего и Августин «Град Божий», и Августинова «Исповедь» в мире Ахматовой прочитываются как некий сверхтекст о «полной гибели всерьёз» (Б. Пастернак). Но ведь и о полном спасении всерьёз! В этих текстах возникает не риторика блестящего витии, а реальные видения реального страдальца-исповедника. Так происходит и с ахматовским Крымом.

Четыре цвета окрашивают и ахматовский Крым 1916 года, и ахматовский Рим года 1964-го. Это цвета красный (алый) и золотой – колоративы страсти и власти, царственности и жертвенности, кровотокающей сиюминутности и всепреодолевающей вечности. А рядом – чернота (тьма, скорбь, потери, смерть) и белизна (чистый лист творческих замыслов, но и снег, седина, тоже потери, тоже смерти).

Существует бахчисарайское ахматовское видение («Вновь подарен мне дремотой...», 1916). В нём Ахматова заявляет, что видит сквозь эту дремоту «золотой Бахчисарай» своей последней крымской встречи с одним из главных лирических героев её «серебряной» юности – Николаем Недоброво. Их неделя в Бахчисарае описана как священнодействие и волшебство, когда в былой столице Ханства, столице Крыма – вечно Юго-Востока – вечно длится встреча-прощание двоих, в присутствии третьей – Царицы Осени.

Это золотое видение озаряет все сутки бахчисарайского цикла: и «пёстрый» день, и багряный закат, и надвигающееся «царство тени», куда уходит не только «утешный» друг, а и всё молодое прошлое «легендарного» века и его поэтов: и поэта-мужчины (Н.Н.), и поэта-женщины (А.А.)...

Почти через 50 лет, в надписи 1964 года на книге своих стихов, подаренной молодому переводчику А.А. и её гиду по Риму, Карло Риччо, Ахматова назовет 6 декабря (по старому стилю – день Св. Николая «зимнего», по новому стилю – день Св. Александра Невского, покровителя Петербурга) – «золотым днём» [29, с. 801].

Перед нами не просто цветовое совпадение с Бахчисараем. «Золотой» римский день охватывает и блаженное стояние А.А. на площади Св. Петра, в толпе паломников, и полуденный колокольный звон собора, и слёзы потрясённой А.А., замеченные её гидом. А ещё глубже – в лейтмотивном «золотом» эпитете скрыты и другие композиционные параллели. Молодой друг, поэт Николай Недоброво в Бахчисарае – молодой друг, поэт-переводчик Карло Риччо в Риме. Экстаз бахчисарайской ночи («звёздный рай») – экстаз римского полдня. Прощание навеки с райским Бахчисараем и его «утешным» спутником – прощание навеки с райским Римом и его «милым» провожатым. (Ибо не могла А.А. не понимать: и по возрасту, и по установкам «советского» официоза она вряд ли попадёт в Италию ещё раз).

Вернёмся теперь к двум другим колоративам, оставшимся пока за скобками: к алому и белому цветам.

Алый («розово-алый») цвет пронизывает – прямо или косвенно – всю бахчисарайскую исповедь-видение А.А. Беседы Его и Её происходят у «воды», окаймлённой «пёстрой» стеной. Реконструкция бахчисарайских маршрутов этой пары [21] указывает: «задумчивая вода», вероятнее всего, – это бассейн на территории Ханского дворцового комплекса. А «пестрота» вокруг – это (с учётом осени) вьющийся по стене виноград, чьи листья приобрели все оттенки красного. У американского поэта Эдвина Робинсона (1869-1935) в любимом стихотворении президента США Теодора Рузвельта (1858-1919) «Льюк Хавергол» – «виноград багряный кольца вьёт» и шуршит его «мёртвая листва» [39]. У Ахматовой красная листва – не во дворце, а на ступенях города – как раз не мертва. Это листья крымского дубильного и красильного растения – сумаха. Их собирает и приносит в подоле (подобно крымским татаркам) сама Осень. Приносит – и осыпает ими ступени, «где прощались мы с тобой». А за кадром, в сознании читателя возникал ахматовский «красный кленовый лист», заложенный в Библии на гимне любви – «Песне песней».

Понятно тогда, почему в итальянских заметках А.А. упомянет «розово-алый» закат, провожавший её при отъезде из Бахчисарая (1916), на

фоне такого же цвета заката, встречавшего её при подъезде к Риму (1964). Совпадение вызвало в памяти умершего друга Николая Недоброво, и не его одного. Полагаем – на основании всего ахматовского цветовидения, – что эта алая палитра говорит не только о страсти и о расставании двоих. Это вдобавок нахлынувшая память о расставании с Крымом. Крымом как частью биографии нескольких поколений семьи Горенко и даже частью всего Серебряного века, и «календарного», и «легендарного».

Похоже, пребывание в Сицилии, «сицилийская вечерня» (по названию оперы Джузеппе Верди), обернулась для Ахматовой «сицилийским отпуском». Присутствием рядом заново, но и отпусканьем в мир иной целого сонма родных и друзей, возлюбленных и «товарищей в искусстве дивном».

В 1960-е годы, в письмах к Анатолию Нейману из больницы, после очередного, каждый раз более тяжкого сердечного приступа, А.А. говорит как раз не о смерти, а о посмертии. О том, как они будут продолжать жить вдвоём, петь пташками в клетке (слова Короля Лира, обращенные к мёртвой Корделии). Она же, эта Смерть-Посмертие, – незримо, но внятно, в цветовых ассоциациях, – сопровождает короткое – ликующее и плачущее – итальянское путешествие поэта: «А как музыка зазвучала / И очнулась вокруг зима, / Стало ясно, что у причала / Государыня-смерть сама» [40, т. 2, кн. 2, с. 238].

Вместе с Нею в итальянский мир Ахматовой входит «предзимний» царскосельский Пушкин: ещё одно прощание А.А. с ещё одним действующим лицом её собственной биографии. И – прощание с ещё одной «серебряной» любовью, которой А.А. посвятила самое большое число «адресных» стихов: 17 в сборнике «Белая стая» и 14 в сборнике «Подорожник» [40, т. 1, с. 803].

Этот сюжет «ведёт» у Ахматовой белизна.

Цветовой код Пушкин задал в повести «Капитанская дочка» (глава «Суд»). Пейзаж Царского Села начинается у него с ясного утра, с восходящего солнца, с вершин лип, «пожелтевших уже под свежим дыханием осени». (Заметим: желтизна здесь есть, золота нет; ср. «В багрец и в золото одетые леса» у того же Пушкина, тоже осеннего, но в другом тексте, «Осень»). Далее в повести рисуется сияющее озеро (без колоративов); далее – лебеди, которые «важно выплывали» (опять царственность, и опять без колоратива, хотя белизна лебедей уже прямо подразумевается). Но вот появляется «белая собачка» и – в

тон ей – дама «в белом утреннем платье». Следует известный диалог Дамы в белом (императрицы Екатерины II инкогнито) с Машей Мироновой. За диалогом идёт чтение письма, в котором содержится Машино прошение о помиловании жениха (белая бумага!), и развязка.

Последний раз (письмо на письмо!) «собственноручное письмо Екатерины II» мелькнёт «за стеклом и в рамке» дома Гринёвых. В письме – «похвалы уму и сердцу» Маши, но нет ни слова о том, как же «устроила» императрица обещанное Машино «состояние»? А никак. Потомки Гринёвых живут во флигеле, в глухом селе, «принадлежащем десятерым помещикам». Белизна великодержавной милости оказалась пустым местом. Место это заранее предсказал «длинный ряд пустых, великолепных комнат» императорского дворца, через которые когда-то камер-лакей вёл «устрашённую» Машу.

С кем же связана белизна в личной исповеди – лирическом цикле А.А.? Лейтмотивным цветом белый становится в сюжете Анны Ахматовой и Бориса Анрепа.

Белизна вторгается даже в акrostих, составленный из имени и фамилии Б.А.: «С покатых гор ползут снега, / А я белей, чем снег <...>» [40, т. 1, с. 257]. Ту же белизну встречаем в стихах о Духовом дне, когда Героиня ожидает Друга: «За окном крылами веет / Белый, белый Духов день <...> / Помоги моей тревоге, / Белый, белый Духов день!» [40, т. 1, с. 265].

Белый в этом лирическом цикле – не цвет пустоты, а цвет полноты. Это присутствие Света, объединяющего все цвета; Духа, объёмлющего все чувства, поднимая своими крылами их на высоту священного празднества...

Знаменательно: и в этом «белом цикле» исповедь любви – снова и снова – прорастает видением Крыма.

В стихах о Духовом дне отразилась херсонесская хроника. А.А. вспоминала: «В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько вёрст ходила на почту, и письма так и не получила» [41, т. 1, с. 21]. Стихи повествуют об этом так: «Всё мне дальний берег снится, / Камни, башни и песок. // На одну из этих башен / Я взойду, встречая свет...» [40, т. 1, с. 265]. Херсонесский характер этого пейзажа нельзя не заметить и не отметить. Стихотворение датировано 1916 годом – оно практически синхронно стихотворению бахчисарайскому, отличаясь по локальным реалиям, но не по общекрымской привязке.

Так сложился «цветовой квадрат» Ахматовой. Все четыре ключевых цвета стали центрами, притягивающими персонажей, сюжеты, жанры – даже тексты разных жанров: устные ахматовские рассказы-«пластинки», письменные заметки, стихи, изданные и/или положенные в ящик. В сицилийско-итальянском контексте некоторые из этих цветов будут трансформированы. Белый уйдёт в подтекст: в лейтмотив светлого камня статуи, храмов и т.п. Чёрный заменится на лейтмотив радостных ночей (с гостями, поездками, рецитацией стихов). Но доминантные цвета всё же останутся дежурить на окраине таормино-римских пейзажей А.А. Их допуск в её стихи и в её биографию ещё произойдёт – и произойдёт снова уже скоро [42].

7.

Вместо заключения. Собрав – или реконструировав – подробности сицилийского путешествия Анны Андреевны Ахматовой-Горенко, от деталей доказуемых до деталей лишь возможных, – исследователи задумываются ещё и над целями своей будущей работы. А работа предстоит (по нашему убеждению) не просто большая количественно, но и выполняемая в новых масштабах, с использованием различных, в том числе новых стратегий.

1. На уровне фактологическом предстоит заполнить фон этой поездки, как с «советской», так и с итальянской стороны. Он включает десятки (если не сотни) персоналий, адресов и маршрутов; календарей политических, культурных, религиозных; текстов не только прямо относящихся к «декабрьской весне» А.А., но и составляющих её широкий контекст.

2. На уровне символическом важно уяснить, какое значение имел – или мог иметь – этот якобы «небольшой» эпизод. Здесь перспективным может быть движение от единичной биографии к биографии целой эпохи (и не одной), целого региона и страны (и не одной), целого поколения (и не одного). Ответы на эти вопросы не сводимы не только ко внешней хронике, но и к свидетельствам и реминисценциям сугубо «литературным».

Так, мы стремились найти объективные связи двух «заповедников души» Ахматовой: Италии и Крыма. За ними, однако, вставали связи не только в пределах ахматовской поездки 1964 года, но столетий и тысячелетий. Для иных писателей такие аналитические масштабы были бы чрезмерными. Для ахматовской судьбы меньшие масштабы будут недостаточными.

3. Жизнь и поэзия А.А. ещё полны белых пятен, и причин тому много. Приведём только одну иллюстрацию. В поездке 1964 года А.А. была окружена аудиторией благожелательной и даже восхищённой. При всём том она не называла по именам дорогих ей «залетейских теней», не ссылаясь на живых, близких ей друзей. Полагаем, литераторы и журналисты Италии, прошедшие суровую школу своих 1930-х-1940-х годов, правильно разгадали причины столь выразительного умолчания.

4. Отсюда проистекает генеральная задача нового ахматоведения. Состоит она всё же (повторимся) не столько в закрытии лакун, сколько в открытии масштабов. Один из ахматовских мемуаристов, сэр Исайя Бёрлин, назвал эти масштабы «космическими». Мы предложили термин «метафизические». Суть одна. Изучая Ахматову (и типологически схожие с нею фигуры), мы изучаем уже не просто литературу, но Сверхлитературу. И с этим необходимо практически считаться.

Крым-Киев, 2013-2019

Список литературы:

1. Казарин В. П., Новикова М. А. «... Ровно десять лет ходила / Под наганом...»: (А. А. Ахматова-Горенко и сэр Исайя Бёрлин) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: «Філологія. Соціальні комунікації». Т. 29 (68). № 2. – Київ: Гельветика, 2018. – С. 201-213.

2. Пунина И. Н. Анна Ахматова в Италии // *La Pietroburgo di Anna Achmatova*. – Bologna: Grafis Edizioni, 1996. – Р. 54-64.

3. [Б.а.] Русские писатели – лауреаты итальянских литературных премий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://www.bfrz.ru/?mod=static&id=655>.

4. Многие из писателей, встречавших А.А. в Италии и/или переводивших её стихи, были в годы Второй Мировой войны участниками Сопротивления. См.: Потапова З. М. Литература Сопротивления: Италия // Литературный энциклопедический словарь (далее сокр. ЛЭС). – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 412.

5. Подробнее см.: Казарин В. П., Новикова М. А. Анна Ахматова и Херсонес: что сказали поэту «смуглые главы» храма? // Сайт «КРУ УНБ имени И. Я. Франко» (franco.crimea.ua). – 02.06.2014.

6. [Б.а.] *Taurus* // Словарь классических древностей по Любкеру. Пер. с немецкого. Под ред. Ф. Зелинского и др. СПб., 1885. – 1552 с. – С. 1346. (Далее сокращенно: Любкер).

7. [Б.а.] *Tauri* // Любкер, с. 1345.

8. [Б.а.] *Tauropolos, Arthemis* // Любкер, с. 164.

9. [Б.а.] *Tauromenium* // Любкер, с. 1346.

10. О Таормине также см.: <https://www.britannica.com/place/Taormina>; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Таормина>.

11. Новикова М. А. Пушкинский космос: Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина (Серия «Пушкин в XX веке». Вып. 1.). – Москва: Наследие, 1995. – 353 с.

12. Сходство не означает повторения. Таорминская церковь «Мадонны в скале» находится на вершине горы Тавр. В скале высечен храм (1648). К нему ведёт тропинка; вдоль неё стоят скульптуры, изображающие эпизоды Крестного Пути (Via Dolorosa) Христа на Голгофу. Находится церковь недалеко от местного замка; исторически она могла быть замковой церковью. Потому по размерам она невелика, и в путеводителях её нередко именуют часовней.

В Бахчисарае в скале, в вырубленной нише, находится икона Богородицы. Сама скала нависает над лестницей, ведущей в Свято-Успенский пещерный монастырский храм. Поэтому скала тоже названа Успенской. Икона написана прямо на ней, по камню. Это её отреставрированный вид после Крымской войны (1853-1856 гг.). По преданию изначально икона была написана не на камне, а на доске, – вероятно, кипарисовой, – и привезена в Бахчисарай из византийского монастыря в Сумеле (около Трапезунда, современного Трабзона, Турция). Принадлежит икона к типу «Одигитрии» (Путеводительницы) – к тем древнейшим образцам, которые специалисты возводят к творениям Апостола-иконописца Луки. Бахчисарайский список учёные относят к VIII-IX вв. н.э.: к периоду иконоборчества. Многие монахи бежали тогда из Византии в Тавриду, унося наиболее почитаемые иконы с собой, чтобы их спасти.

Позднее именно Бахчисарайский образ «возглавил» пеший исход крымских греков (1780) на материк, в Приазовье. Переселение было организовано властями после включения Крыма в состав Российской империи [13, с. 103-104].

Сегодня уже нелегко установить, поднимались ли Ахматова и её спутник, поэт Н. В. Недоброво, в 1916-м году, во время их совместного пребывания в Бахчисарае, по лестнице упомянутого Свято-Успенского монастыря, мимо Бахчисарайской иконы Богородицы «на скале», – и рассказывал ли им кто-нибудь историю этой иконы. Но сами символы Небесной Покровительницы, «Заступницы Усердной», «Путеводительницы», сама символика высокой горы/скалы и лестницы в небо имеют древний, мощный ассоциативный потенциал: античный, средневековый, ренессансный [14, с. 185, 333]. Без сомнений, воздействовал он и на путешественницу Ахматову – и в Бахчисарае 1916 года, и в Таормине года 1964-го.

Помимо городских и скальных лестниц Бахчисарая, помимо лестницы его Успенского монастыря и – в пару к нему – горной дороги к таорминской Церкви Мадонны делла Рокка, – помимо всего этого переплетения архитектурной и ландшафтной символики, на Ахматову 1964 года могли нахлынуть воспоминания о

живописных полотен, хранящихся в музеях Италии. Они поразили молодую А.А. ещё во время её первой итальянской поездки (1912).

С XIII века и дальше излюбленные темы этих полотен – поклонение Богородице сонмами ангелов и святых, или введение девочки Марии в Иерусалимский храм, или обручение Девы Марии с Иосифом. Все эти сюжеты позволяли художникам разворачивать изображаемые события на лестнице. Зрительно – лестница была эмоционально сильным, впечатляющим местом действия; символически – она знаменовала собой связь мира земного с миром горним [3.8а]. Называем лишь некоторые, наиболее знаменитые итальянские картины, где в центре присутствует мотив священной лестницы: 1) Фра Анжелико Беато, «Коронование Марии» (1435) – лестница с 9 ступенями; 2) Рафаэль, «Обручение Марии» (1501) – лестница с 9 ступенями; 3) Беллини, «Мадонна со святыми» (1505) – лестница с 3 ступенями; 4) Тициан, «Введение во храм Пресвятой Богородицы» (1534-1538) – лестница с 9 ступенями; 5) Тинторетто, «Введение Марии во храм» (1555) – лестница с 10 ступенями, и др. Символическое число ступеней (3, 9, 10, 12) доказывает, что все эти лестницы – отнюдь не элемент чисто бытового архитектурного пейзажа. (Хотя, конечно же, реальные, «ступенчатые» ландшафты скалистых средиземноморских городов учитывались названными художниками тоже.)

13. Отин Е. С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий): Издание 2-е, исправленное и дополненное – Донецк: ООО «Юг-Восток Лтд.», 2002. – 212 с.

14. Холл Джеймс. Лестница // Джеймс Холл. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Перевод с английского и вступительная статья Александра Майкапара. – Москва: Крон-Пресс, 1999. – 656 с.

15. [Б.а.] Naxos // Любкер, с. 909, 1245.

16. Поединок природы и цивилизации, разворачивающийся в пейзажах Сицилии, чутко уловил французский поэт Хосе Мария де Эредиа (1842-1905). В его книге «Трофеи» есть раздел, озаглавленный «Греция и Сицилия»; есть и отдельный сонет («Античная медаль»), Сицилии прямо посвященный. Лейтмотив этих стихов – сенсорная роскошь природы (и мгновений истории как вечного Настоящего) и, по контрасту, дряхлеющая память истории как вечного Прошлого). «Трофеи» еще в 1920-23 гг. перевел (вместе со своими учениками) друг А.А. – Михаил Леонидович Лозинский. Он же кратко изложил в комментарии к упомянутому выше сонету историю Сицилии, начавши её от финикийцев и карфагенян, затем греков, с 214 года до н. э. – римлян, с 440 года н. э. – вандалов, с 493 года – готов, с 535 года – византийцев, с IX века – сарацинов, с XI века – норманнов, в XIII веке – анжуйцев. См.: [Лозинский М. Л. Комментарий] // Багровое светило. Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского. (Серия «Мастера поэтического перевода». Вып. 17). – Москва: Прогресс, 1974. – 216 с. – С. 211.

17. Фотоматериалы, использованные в нашей статье (пейзажи Таормины, бюст А. А. Ахматовой-Горенко, вручение ей премии «Этна-Таормина» и др.) см. на сайтах: <https://www.britannica.com/place/Taormina>; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Таормина>; <http://www.bfrz.ru/?mod=static&id=655>; <https://www.russianartandculture.com/news-anna-akhmatovas-monument-opens-in-sicily>.

18. О Гаспре и Хараксе см.: [Б.а.] Всё о Крыме: Справочно-информационное издание / Под общ. ред. Д. В. Омельчука. – Харьков: Каравелла, 1999. – 400 с.

19. Галиченко А. А. Алушка: Дворец и парк. – Киев: Мистецтво, 1992. – 240 с.

20. Крым: Православные святые: Путеводитель / Составитель Е. М. Литвинова. – Симферополь: Рубин, 2003. – 384 с.

21. Казарин В. П., Новикова М. А. Стихотворение А. А. Ахматовой «Вновь подарен мне дремотой...»: (Опыты реального и поэтологического комментирования). **Публикация 1** // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Выпуск 10. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – С. 60-72; **Публикация 2** // Сайт «Анна Ахматова: Ты выдумал меня...» (akhmatova.org). – 08.05.2013; **Публикация 3** // Сайт «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (bikz.org). – 06.06.2013.

22. Найман А. Г. Рассказы об Анне Ахматовой // А. Г. Найман. Конец первой половины XX века. Раздел «Приложения». – Москва: Художественная литература, 1989. – 302 с. 23. Гиленсон Б. А. [Нобелевская премия] // ЛЭС, с. 303.

24. Он же. Премии литературные / Зарубежный раздел // ЛЭС, с. 303-304.

25. [S.n.] Poetry Chronicle // Poetry. – New Jersey. – 1954. № 5. – P. 302-320.

26. Сайт www.jstor.org. – Дата обращения: 15.12.2018.

27. Квазимодо Сальваторе (1901-1968), итальянский поэт-герметист. В годы II Мировой войны один из авторов литературы Сопротивления. Лауреат Нобелевской премии (1959). Выпустил две книги стихов до войны (1930, 1936), одну во время войны (1944), две книги после (1947, 1949). В русском переводе сборник его стихов (1961) вышел с предисловием Алексея Суркова, секретаря правления Союза писателей СССР. Герметизм – направление в итальянской поэзии и критике (1920-1940-е гг.). Ему присущи максимальные символичность и ассоциативность; минимальные логические и композиционные связи слов и строк. Затрудненность восприятия. В годы Сопротивления герметизм (Дж. Унгаретти, Э. Монтале, С. Квазимодо) выступал как оппозиция официальной пропагандистской политике и литературе. См.: Котрелов Н. В. Герметизм (Poesia ermetica) // ЛЭС, с. 77.

28. Дилан Томас (1914-1953), валлийский поэт. Выпустил три книги стихов до войны, одну после, писал прозу, автор радиопьесы. Имел среди критиков репутацию новатора. Thomas, Dylan. [Poems] // Poetry in English: The Anthology. – Oxford: OUP, 1987. – 1196 p. – P. 980-986.

29. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. – Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 944 с., ил.

30. [S.n.] Italy Anniversary Akhmatova Prize Goes to Larisa Vasilieva. – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.russkijmir.ru.

31. Фёдоров А. В. Из воспоминаний и размышлений о Михаиле Леонидовиче Лозинском – человеке и мастере // Багровое светило. Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского. (Серия «Мастера поэтического перевода». Вып. 17.) – Москва: Прогресс, 1974. – 218 с.

32. Казарин В. П., Новикова М. А. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Золотистого мёда струя из бутылки текла...»: (Опыты реального комментария) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: «Філологія. Соціальні комунікації». Т. 29 (68). № 1. – Київ: Гельветика, 2018. – С. 142-152.

33. [Б.а.] Мария, Богородица // Полная популярная библейская энциклопедия. В 2 кн. Кн. 1. [Репринт издания 1891 г.]. – Москва: Издательство СП МСИ и др., 1990. – С. 454-456.

34. Аверинцев С. С. Николай-чудотворец // София-Логос: Словарь. – Киев: Дух и литера, 2000. – С. 139-140.

35. Аверинцев С. С. Августин, Аврелий // София-Логос: Словарь. – Киев: Дух и литера, 2000. – С. 15-16.

36. [Б.а.] Августин Блаженный, архиеп. Гиппонский (353-430 гг.) // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. [Репринт]. – Москва: АО «Возрождение», 1992. – Стлб. 22-24.

37. Бычков В.В. Эстетика Аврелия Августина. М.: Наука, 1984.

38. [Б.а.] Панкратий Тавроменийский, священномученик // Православный церковный календарь. 2009. [Мученики]. – Москва: Издательский Совет РПЦ, 2008. – С. 26.

39. Robinson, Edwin Arlington (1869-1935) // Poetry in English: An Anthology. – New York, Oxford: OUP, 1987. – 1196 p. – P. 794-95. [Об участии президента США Теодора Рузвельта в судьбе поэта см. с. 794. Русский перевод стихотворения сделан М. А. Новиковой.]

40. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. – Москва: Эллис Лак, 1998-2002; Т. 7 (дополнительный) – 2004.

41. Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 тт. – Paris: YMCA-PRESS, 1991-1997.

42. В жанровом контексте предсказания-исповеди-видения повышено значимо (но и страшновато) анреповское описание последней встречи с А.А. в Париже, – после Рима и Сицилии, накануне вплотную придвигавшейся её кончины. Анреп видит в почти не узнаваемой («величественная, полная») женщине царицу Екатерину. Бойся, что та потребует от него свой давний подарок – потерянный Анрепом «чёрный перстень». Наконец, уходя в полуобмороке, Анреп целует А.А. на прощание в «безответные» губы. Все эти подробности делают его прощальное свидание с Ахматовой сильно похожим на встречу с «государыней-смертью». См.: Фарджен А. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – С. 286, 299.

Казарин В. П., Новикова М. О. ТАОРМИНА І ТАВРІДА (ПРО СИЦИЛІЙСКУ ПРЕМІЮ АННИ АХМАТОВОЇ-ГОРЕНКО)

У розвідці запропоновано і аргументовано новий погляд на італо-кримський контекст життя та творчості Ганни Ахматової-Горенко (1889-1966). Спеціальний акцент зроблено на подорожі поета в Італію, на Сицилію (1964), де вона отримала літературну премію Європейського співтовариства письменників – «Етна-Таорміна». Цей епізод постійно згадується в сучасних біографіях Ахматової, проте він не розглядався як важлива подія в її емоційному і духовному житті. Ахматовські сицилійські сюжети та імпресії не ставилися в паралель до кримських сюжетів та імпресій. Тим часом пильний аналіз відкриває низку – раніше не помічених – перетинів деталей хронотопу, культурних і релігійних реалій і символів Сицилії і Криму. Біографічний і поетологічний підходи доводять, наскільки значущим виявився цей подвійний – кримсько-італійський – досвід для Ахматової-людини і митця.

Ключові слова: Ганна Ахматова-Горенко (1889-1966), Італія, Сицилія, Крим, літературна премія «Етна-Таорміна» (1964), історико-культурні та духовні перетини, італо-кримський контекст творчості і біографії Ахматової.

Kazarin V. P., Novikova M. A. TAORMINA AND TAVRYDA (ABOUT THE SICILIAN PRIZE OF ANNA AKHMATOVA-GORENKO)

The paper offers and argues a new look on the Italian and Crimean context of Anna Akhmatova-Horenko's life and poetry (1889-1966). A special emphasis is laid on Akhmatova's trip to Sicily (1964), where the poet received the "Etna-Taormina" literary prize from the European Community of Writers. This episode is constantly mentioned in Akhmatova's new biographies, but so far it has not been considered an important event in her emotional and spiritual life. Akhmatova's Sicilian events and impressions have never been put parallel with the Crimean ones. Meanwhile, a close analysis reveals many – previously ignored – intersections among the chronotope, cultural and religious references and symbols of Sicily and Crimea. Biographical and poetological approaches prove how significant this double – Crimean-Italian – was for Akhmatova's human and art experience.

Key words: Anna Akhmatova-Horenko (1889-1966), Italy, Sicily, the Crimea, «Etna-Taormina» literary prize (1964), historical, cultural and spiritual intersections, Italian-Crimean context of Akhmatova's creativity and biography.